

ГЕРОЙ БУДУЩЕЙ РОССИИ: ВЫБОР СОВРЕМЕННОКОВ – ПРОГРЕССОР, ДЕМИУРГ ИЛИ СВЕРХЧЕЛОВЕК?

Мария Александровна Подлесная

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

yamap@yandex.ru,

ORCID 0000-0002-2159-4958

Для цитирования: Подлесная М. А. Герой будущей России: выбор современников – прогрессор, демиург или сверхчеловек? // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 3. С. 132–155. DOI 10.19181/snsp.2025.13.3.7. EDN AZNEIN.

Аннотация. В статье представлен анализ данных онлайн-опроса, проведённого в 2024 году сотрудниками Института социологии ФНИСЦ РАН и Крымского государственного университета имени В. И. Вернадского. Опрос проводился как среди читающих, так и не читающих фантастику ($n = 1244$), его целью было изучение фантастической литературы (её функций, роли в развитии общества) и её оценок современниками. В данном случае изучение является монографическим и строится на результатах такой группы респондентов, как читающие (с разной регулярностью) фантастику ($n = 1\,139$). В статье рассматривается такой аспект исследования, как выбираемые герои фантастической литературы, близкие опрошенным и необходимые, по их мнению, современной России. В этом смысле фантастическая литература рассматривается как сплав воображаемого и реального, позволяющий выявлять глубинные, зачастую неосознанные, опривыченные и поэтому непроговариваемые смыслы. Исследование многометодное, с использованием количественной и качественной методологий: был задействован массовый онлайн-опрос и метод глубокого погружения в среду – включённое наблюдение. В последнем случае – это общение с профессиональными писателями-фантастами, участие в собраниях (конвентах), переписка как с ведущими авторами сетевой фантастической литературы, так и с мастерами из группы российских известных писателей, регистрация и активная работа на фандомных сайтах. В работе подробно анализируются данные нескольких открытых вопросов, делается их сравнительный анализ, связанный с тем, каких героев фантастической литературы называют респонденты в качестве близких себе по духу и образу мыслей и каких героев считают необходимыми для современной России. В итоге приходим к следующему выводу: близкими являются герои, описанные в современной фантастической литературе писателями-современниками, со всеми особенностями их характера, а героями, необходимыми России, по оценке респондентов, являются те, кто представлен в фантастике советского прошлого. При этом есть потребность в герое-прогрессоре, который не лишён этических принципов, но действует и преобразует реальность осторожно, не идя на риск, зачастую не выдерживая натиска «несовершенной» среды и невольно изменяя своим принципам.

© Подлесная М. А., 2025

Ключевые слова: фантастическая литература, тип героя, герой-прогрессор, демиург, сверхчеловек, ИТР-дискурс, «социотехническое воображаемое», конвергентная культура

*«И вообще мы ведь не предсказываем будущее,
мы пытаемся нарисовать мир,
в котором нам самим хотелось бы жить»*

Б. Стругацкий¹

Введение

Тема героя и героизма звучит в наших работах не впервые. Интерес к ней связан с самим временем и тем историческим моментом, в котором живём, в котором находится страна. Начавшаяся специальная военная операция обострила не только важность отстаивания собственного суверенитета, решения вопроса о национальной самоидентичности, но и актуализировала дискурс о герое. Он, в свою очередь, тесным образом связан с понятием времени, шире хронотопа: обращаясь к этой теме, мы невольно вспоминаем о героях прошлого, думаем о герое в настоящем и проецируем его в будущее [1]. Так, советское время достаточно часто определяется в целом как героическое, оно было таковым не только в связи с победой в самой жестокой войне против человечества, но, главным образом, в связи с тем, как организовывалась трудовая и повседневная жизнь «нового» советского человека. Герои труда, герои спорта, герои Великой Отечественной войны, герои коммунистической стройки и т. д. – те естественные языковые конструкции, по которым легко узнаётся и определяется СССР. Тезаурус и история современной России, по крайней мере до недавнего времени, как будто исключили понятие героя из повседневной жизни, в лучшем случае о героях говорили в контексте культового кино или применительно к «заправилам» из 1990-х, беря слово «герой» в кавычки. И только теперь вновь вспомнили о «времени героев», в том числе на государственном уровне, – в качестве национальной стратегии и соответствующей программы. Настоящее связывается с подвигом и героем, которого надо обнаружить, заметить, воспитать. В действительности подобная установка больше, чем желание политической воли или указания «сверху», это та база, без которой будущее, конечно же, наступит, но каким оно будет – большой вопрос. Без героя, или без пассионария (как сказал об этом президент РФ), будущее возможно, но его содержательная часть – нет, она полностью лежит в плоскости того героического действия и тех смыслов, которые определяет своей личностью герой, причём герой своего времени.

Последовательная работа над темой героя позволила нам говорить о российской или, точнее будет сказать, русской специфике как понимания героя, так и его изучения. Первое состоит в том, что в русской культуре героизм и святость,

¹ «Мы не предсказываем будущее...». Интервью с Б. Н. Стругацким. Публ. подготовили И. Григенч и В. Ларионов // История ФЭНДОМА: сайт. 19.05.1989. URL: https://www.fandom.ru/inter/strug_b_17.htm (дата обращения: 02.06.2025).

не являясь тождественными по своим сущностным характеристикам понятиями, имеют общее основание – без одного нет другого [2]. Подлинный герой невозможен без устремления к добродетели и святости, подлинный святой невозможен без решительности к самоотвержению и определённого героизма (в том же противостоянии греху и миру). Это уникальная ситуация, характерная для России: хотя и кажется, что о герое как о добродетельной личности писалось ещё в античности, в действительности добродетели имели другое смысловое наполнение (в значении *arete*, то есть «превосходство любого рода») и другое целеполагание героя [3, с. 168]. Связь с античным героем западноевропейской культуры в итоге определило её отличное представление о герое, где отношения со святостью не обнаруживаются. Вторая специфика, как мы отметили, связана с изучением героя в России, и здесь также есть свои нюансы, заключающиеся в том, что кэмпбелловский путь героя [4] на российской почве превращается в застывшую форму (из этого в отечественной науке не возникает мощного исследовательского продолжения). Кроме того, интерес изучения лежит в иной плоскости, он не связан с механизмами подавления личности толпой, скорее, напротив, обращает внимание то, как сам герой противостоит общественным нормам и создаёт нечто новое из своей картины мира (у Михайловского при этом она не всегда добродетельная, герой для него не исключительно положительная фигура [5], что в современной науке имеет обозначение квази- или лжегероя [6]). То есть мы сталкиваемся с весьма интересной ситуацией: в культурных пластах России герой и святой имеют связь, в исследовательской отечественной традиции герой – фигура, стоящая над толпой.

В своих прошлых эмпирических изысканиях мы прибегали к массовому опросу россиян с целью понять, кто является героем в их понимании. Это был весьма полезный опыт, который позволил зафиксировать общественное мнение относительно того, каким видится современный герой. В результате исследования мы обнаружили, что герои сегодня – это и представители отдельных профессиональных групп, и простые люди, оказавшиеся в сложных жизненных ситуациях, но сумевшие с ними справиться. То есть героизм в определённом смысле стал носить черты повседневного действия, черты профессионализации, герой – это не кто-то особенный, не всегда трагическая фигура (как это было в античности), а по сути – каждый из нас. В этом обнаруживается, на наш взгляд, постмодернистское влияние, когда отрицается так называемый метанарратив, всё подчиняется условно конкретной ситуации. Придя к такому выводу, мы невольно задумались о том, насколько глубоко нам удалось изучить героя и героизм с точки зрения культурных пластов и смогли ли мы обнаружить глубинные вещи, не лежащие на поверхности. В определённом смысле своим исследованием мы зафиксировали некоторые черты хронотопа современности, проявленные в отношении героя [7], но не перешли к более глубинным вещам.

В 2024 году мы решили зайти в тему героя со стороны литературы, в частности фантастической, так как именно в ней присутствует соотношение воображаемого и реального и поэтому наилучшим образом проявляется невысказанное,

сложное, а иногда опривыченное и поэтому незаметное. Исследование в целом было шире, чем о герое, но изначально подразумевалось, что эта часть будет включена в исследовательский проект и посвящена непосредственно выявлению глубинного понимания героического образа – как с точки зрения соотношения его с личностью респондента, так и с тем, кто, по мнению опрошенных, мог бы быть героем для современной и будущей России. По сути, через предпочтения читателей выявлялись, с одной стороны, героический потенциал и характер самих опрошенных, с другой – то, какого типа герой наиболее востребован для настоящего и будущего страны. В определённом смысле такой опосредованный разговор о герое ломал логику стандартного ответа и вскрывал глубинные представления (по аналогии с методом Бахтина [8]).

Теоретико-методологические основания исследования

В одной из первых книг на постсоветском пространстве, посвящённой изучению гражданского общества в России посредством анализа российской фантастики (авт. Л. Фишман), даётся весьма интересная типология возможных героев. Это так называемый герой-прогрессор, или просто прогрессор, герой-демиург и сверхчеловек. Все три типа имеют сущностные, онтологические и функциональные различия.

О таком типе героя, как прогрессор, и в целом о прогрессорстве как его характеристике мышления писали в основном советские фантасты братья Стругацкие, понимая под прогрессорством стремление и умение спрямить историю, сделать её менее кровавой и жестокой. Для них было очевидным, что к прогрессорству были способны не все, а только бескорыстные, высоко-нравственные люди, точно знающие, какой вариант истории является предпочтительным. Без этих качеств личности любое прогрессорство, по мнению писателей, превращается в закамуфлированное колонизаторство с захватом рынков, территорий, с навязыванием своих обычаев и мировоззрений. Поэтому прогрессор у Стругацких довольно сложная фигура, к которой есть определённые этические требования. Напомним, что для братьев Стругацких большое значение имел процесс исторического развития, в частности, их интересовало то, кто двигает историю и как это происходит. В итоге они делают вывод, что уже ставшие традиционными для науки эволюционный (научный дискурс) и революционный («наивный» дискурс) пути исторического развития в действительности проявляются в паре, не являясь исключительно отдельными этапами. Это наблюдается и в произведениях Стругацких, в частности – в персонажах, которые также прописываются в паре – например, Антон – Вадим («Попытка к бегству»), дон Кондор – Румата («Трудно быть богом»), Рудольф Сикорски – Максим Крамерер («Обитаемый остров»). Один из которых являет на определённом этапе повествования первый тип развития, другой – второй, реализуя в итоге единое утопическое сознание [9]. Прогрессорство, как правило, проявляется в работах Стругацких в отношении так называемых «младших»

цивилизаций, например, средневековых (как в «Трудно быть богом») или тех, которые технологически близки времени героя, но имеют цивилизационное отставание (как в «Обитаемом острове»).

Примечательно, что если сами Стругацкие отзывались о прогрессоре как о такой личности, которая, благодаря своим высоким нравственным качествам, оказывается способной спрямить историю, сделать её менее враждебной, то последующие интерпретаторы их работ видели и иные черты. Например, обозначая, что прогрессор – это тот, кто, действуя, «боится слишком радикально вмешаться в чужую историю» [10, с. 149], имея «повышенное чувство ответственности перед божеством истории» [10, с. 149], старается не преступать исторические или юридические законы. Именно страх прогрессора перед неведанным, ещё не бывшим, делает его поступки ограниченными, урезанными, заставляя подавлять в себе различного рода естественные человеческие чувства (сострадание, любовь и пр.). Он как будто герой не до конца, сдерживающий сам себя. Восстанавливая утраченный в реальном или мифическом прошлом статус-кво, такой «нормальный», консервативный, традиционный герой совершает те подвиги, которые от него ожидаются. В качестве яркого примера героя-прогрессора можно вспомнить Дона Румату из «Трудно быть богом». Само название романа точно описывает основное качество прогрессора, которому действительно «трудно быть богом», то есть знающим Истину (а это Любовь) и реализующим её до конца, в полной мере.

Демиург, в отличие от прогрессора, имеет противоположные черты. Он, в первую очередь, несовершенный творец (в гностическом, а не христианском смысле), который «меняет реальность не из эгоистических побуждений (в отличие, например, от сверхчеловека), но исходя из своих представлений о должном» [10, с. 141]. Как несовершенный творец он способен к большим поступкам, ведущим других к Свету, но вместе с этим и делающий большие ошибки, поэтому способный погрузить во тьму, самим стать Тьмой. Герой-демиург «творит добро, но не может устранить естественным образом сопровождающее его зло» [10, с. 142]. Такой герой тесно связан с понятием судьбы: выходя на сцену истории, он творит судьбу, то есть на практике реализует неустранимое человеческое желание – использовать доступные для себя могущество и силу и тем самым изменить свою и других участь [10, с. 148]. Это его основное отличие от прогрессора, который всегда проигрывает демиургу, будучи не связанным с судьбой и не увлекаемым ею. Отсюда то, что для «нормального» героя действия демиурга могут казаться безответственными и этически неприемлемыми. В этом смысле они являются антагонистами. У героя-демиурга, в отличие от героя-прогрессора, нет сдерживающих механизмов, в том числе в виде страха. В качестве героев-демиургов можно вспомнить Давила из «Сверхдержавы» А. Плеханова, мальчика-мессию Маркуса из дилогии С. Лукьяненко «Холодные берега», «Близится утро».

Сверхчеловек – это особый тип личности, которого стоит отличать от героя-прогрессора, так как сверхчеловек не имеет и не признаёт никаких ограничений, чего нельзя сказать о прогрессоре, который «всегда ограничен в своих

действиях либо моральными обязательствами, либо рамками своей миссии» [10, с. 140]. Можно говорить о двух видах моральных ограничений такого героя – это его самоидентичность, необходимость следовать своей социальной функции, и влияние такого внутреннего голоса, как совесть. У сверхчеловека подобные ограничения притуплены, более того, он и сам стремится к выходу из всевозможных связей, хоть как-то соотносящихся с идентичностью. Обратим на это внимание, так как в современном обществе идентичность как якорь личности выхолащивается, становится крайне неопределённой и уязвимой. Сверхчеловек нефункционален и аморален. Фигура сверхчеловека представляется угрожающей, с ослабленной совестью, для которой другие – объект для манипуляций. В качестве примера сверхчеловека можно вспомнить персонажи А. Бушкова: могущественный маг из «Анастасии» и король Хельстаад из «Сварог». Важно, что они получают сверхчеловеческое поневоле, попав под влияние определённых событий и обстоятельств. Не случайно поэтому, что именно в фэнтези, где присутствует влияние магического, внешней силы, сверхчеловек или сверхлюди чувствуют себя особенно органично, нежели в любом другом жанре фантастики.

Герой может быть подвержен соблазну стать сверхчеловеком, всегда руководствующимся «готовым и опробованным образцом устройства мира». «Нормальный» социализированный герой всегда побеждает сверхчеловека, так как «в действие вступают традиционные, унаследованные ещё от античности и Средних веков функционалистские представления об этике» [10, с. 147]. Гораздо сложнее прогрессору противостоять соблазну демиурга: можно сказать, герои в этом последовательно бессильны (термин Л. Фишмана) и, не поддаваясь сверхчеловеческому (психологии «достижительств»), проигрывают в стремлении быть «как боги».

По сути, все три типа героя описывают три типа действия в отношении будущего, одно из которых направлено на поддержание эволюционного развития (герой-прогрессор), второе – на судьбоносное и решительное (революционное) создание новой реальности (герой-демиург), третье – прежде всего на антиутопичное будущее человека/нации нарциссического характера, сверхспособного и аморального одновременно. Отметим, что, например, в многосерийной версии трилогии братьев Стругацких («Обитаемый остров», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер») один и тот же герой (Максим Крамерер) динамично проживает изменения своей личности, переходя от одного типа героя к другому: «в первой повести он, <...>, выступая носителем наивного дискурса, оказывается одним из вариантов трансляции утопического сознания. Во второй повести его позиция усложняется, сближаясь с позицией Руматы («Трудно быть богом»). В третьей же внешне созерцательная точка зрения, реализуемая героем, сочетается с имплицитно присутствующей исповедальной заданностью рассказа о расследовании «дела люденов». В этом случае обозначение трагических результатов абсолютизации утопического сознания делает героя своего рода совиновником данного процесса» [9, с. 234]. Таким образом, герой в течение всей серии книг

проходит трансформацию от демиурга (революционный, «наивный» дискурс) к прогрессору и в конце концов приходит к обезличенному сверхчеловеку (лишившему себя обязательств перед другими). В этом обнаруживается тесная связь фантастики, то есть вымысла, с реальной жизнью, в течение которой человек переживает разные свои личностные и героические ипостаси.

Социолог Л. Фишман весьма точно подмечает, что каждая эпоха достойна своих положительных и отрицательных героев. По его мнению, «предыдущая была достойна сверхчеловека, наша – героя-демиурга» [10, с. 142]. Здесь хотелось бы остановиться и задать исследовательский вопрос: действительно ли это так, кого в качестве героя ищут и ждут авторы и читатели фантастической литературы сегодня и какого героя, согласно своим ожиданиям, они, возможно, заслуживают в будущем? Попробуем ответить на поставленный вопрос с помощью анализа данных, полученных в результате массового онлайн-опроса, проведённого исследовательской группой социологов Института социологии ФНИСЦ РАН и философов Крымского государственного университета имени В. И. Вернадского в 2024 году и посвящённого изучению фантастической литературы (её функций, роли в развитии общества) и её оценки современниками.

Эмпирическая база. Методика анализа данных

В своей работе автор сосредоточился на одном контингенте опрошенных – это люди, с различной регулярностью читающие фантастическую литературу (1 139 человек). В связи с этим данное исследование можно обозначить как монографическое, объектом которого являются выбираемые в качестве близких и нужных для современной России респондентами герои фантастических книг, а предметом – смысловое значение этих героев с точки зрения определённого идеала, примера для подражания и тех паттернов, которые формируют образ героя, необходимого сегодня для страны.

В период лета – осени 2024 г. был проведён массовый онлайн-опрос. Опрашивались читающие и не читающие фантастическую литературу, у последних хотели выяснить, почему не читают, от чего это зависит. При этом изначально была гипотеза, что среди читающих есть как знатоки, так и просто любители фантастики. Учитывая эти нюансы, проводился онлайн-опрос, размещалась ссылка на анкету в профессиональных сообществах читателей фантастики, в группах книжных издательств, предполагая, что там будут любители, и, наконец, в новостных группах, в соцсети «ВКонтакте».

Были опрошены жители Москвы (12%), Санкт-Петербурга (6,7%) и других регионов¹.

¹ Республика Крым – 8,4%, Вологодская область – 7,7%, Московская область – 6,4%, Запорожская область – 5,5%, Республика Татарстан – 4,7%, Архангельская область – 3,1%, Новгородская область – 2,7%, Челябинская область – 2,3%, Краснодарский край – 2,2%, Новосибирская область – 1,9%, Свердловская область – 1,9%, Донецкая Народная Республика – 1,8%, Красноярский край – 1,8%, Брянская область – 1,7%, Ростовская область – 1,6%,

Выборка стихийная, поэтому мы не можем говорить о репрезентативности данных и об их экстраполировании на всю совокупность. Более того, начиная исследование, автор столкнулся с тем, что в данном исследовательском случае в принципе сложно выделить генеральную совокупность, что существенно осложняло проведение «классического» исследования со случайной выборкой. Понимая, что такие совокупности (читатели фантастики) репрезентативно оценить сложно, мы тем не менее рассчитывали получить валидный результат – качественное знание: перечня причин обращения к фантастике, предпочтений и т. д. Со своей стороны, для повышения не столько репрезентативности данных в строгом смысле слова, сколько для оценки ошибки выборки по доступным данным и в условиях существующих возможностей, предприняли ряд мер. С этой целью ввели этап контроля респондентов и согласование полученных данных, в том числе социально-демографических показателей опрошенных, с писателями-фантастами, отслеживающими свои аудитории.

Для контроля в форму онлайн-анкеты были включены в обязательном порядке контакты респондента. В результате в случайном порядке из всех представленных в выборке регионов были отобраны 200 телефонных номеров и осуществлена связь с респондентами. Задавались вопросы социально-демографического порядка: проходил ли респондент опрос, когда, на каком ресурсе, какова была степень интереса к анкете. По завершении этапа контроля участников опроса из 200 опрошенных только двое вызвали недоверие. Эти анкеты были удалены из базы исследования. В целом можно говорить о высокой степени заинтересованности респондентов в исследовании и правдивости представленных данных. Полученные данные обрабатывались с помощью статистического пакета SPSS и перед расчётами проверялись на логическое соответствие. Анкеты, не прошедшие проверку, также были удалены из базы данных. В итоге из полученных 1 279 анкет к анализу были приняты 1 244 анкеты. В данной работе автор обращается к совокупности читающих фантастику, поэтому весь последующий анализ строится на данных, полученных от 1 139 респондентов.

Отметим, что предварительное квотирование не предусматривалось, акцент при сборе информации делался на том, чтобы в выборку исследования попали читающие и не читающие фантастику. Поэтому место проживания респондентов, как и их пол, возраст, семейное положение, профессиональный статус, отношение к религии, являются в данном случае социальными характеристиками опрошенных, а не заранее заданным условием сбора информации.

Этап разработки анкеты занял время и в нём участвовали отдельные писатели-фантасты. Был проведён в том числе «пилотаж» анкеты, которая рассылалась активно читающим фантастическую литературу экспертам.

Самарская область – 1,5%, Нижегородская область – 1,3%, Вологодская область – 1,1%, Воронежская область – 1,1%, Омская область – 1,1%, Саратовская область – 1,1%, Белгородская область – 1,0%, Кемеровская область – 1,0%, Ленинградская область – 1,0%, Астраханская область – 1,0%, остальные регионы – менее 1% (16,4%).

В качестве вспомогательного был использован метод глубокого погружения в среду – включённое наблюдение: общение с профессиональными писателями-фантастами, участие в собраниях (конвентах), переписка как с ведущими авторами сетевой фантастической литературы, так и с мастерами из группы российских известных писателей, регистрация и активная работа на фандомных сайтах. Подобное тесное общение с писателями фантастики оказалось полезным при интерпретации данных, а также привлечённые эксперты смогли дать качественное заключение, что получившаяся выборка более или менее отражает российскую аудиторию фантастики.

Среди читающих с разной регулярностью фантастику доля мужчин составила 52,6%, женщин – 47,4%, трёх возрастных групп: 50,2% респондентов среднего возраста (от 31 до 50 лет), чуть больше трети – молодёжь (от 14 до 30 лет) и 19,2% опрошенных старше 50 лет. Больше половины респондентов имеют высшее (в том числе два и более) образование (57,6%), ещё 8,3% – учёную степень или звание. Незаконченное высшее у 13,5% читающих фантастику опрошенных, среднее или среднее специальное образование получили 20,6%. Чуть меньше половины (47,9%) состоят в браке, причём в это число включены как заключившие брак, так и живущие без регистрации (7,7%); вторая основная группа – холостые и незамужние – составляют 42%, остальные – разведённые или овдовевшие. Основные сферы деятельности, в которых заняты респонденты, это образование и воспитание (13%), информационные технологии и связь (8,3%), безработные (7,6%), культура и искусство (5,8%), юриспруденция (5,7%), наука (4,9%), информационные системы (4,3%), медицина (4%). Среди читающих фантастику по конфессиональному признаку респонденты самоидентифицировали себя следующим образом: доля отнёсших себя к православным составила 41,4 %, доля неверующих, атеистов – 9,7% и ещё 27,5% придерживаются научной картины мира, заявивших о себе как о тех, у кого своя вера, – 8,4%.

Результаты исследования

Свой анализ хотелось бы начать с прояснения того, насколько, по мнению читателей фантастики, подобная литература значима в обществе – как с точки зрения формирования будущего, так и развития мышления и воспитания кадров. Например, у М. Липовецкого есть обозначение ИТР-дискурса, под которым понимается культурная идеология научно-технической интеллигенции 1960-х, которая впоследствии, как считается, стала лидером либерального движения позднесоветского периода [11]. Именно она в том числе была активным пользователем и читателем советской фантастики, оказав, как можно было заметить по событиям в стране в конце 1980-х – начале 1990-х гг., существенное влияние на социальные процессы в России. В исследовании автора в том числе интересовало, как сами современные читатели оценивают влияние фантастической литературы на умы и общество в целом, сохраняется ли её когда-то

высокая дидактическая функция сегодня. С этой целью мы просили оценить каждое из предложенных суждений (от 1 до 5 баллов, где 1 – совсем не согласен, 5 – полностью согласен), в которых отражалась та или иная отчасти провокационная позиция и взгляд на фантастику.

Наибольшее согласие респондентов вызвало такое предлагаемое высказывание, как: «Есть ощущение, что в российском обществе довольно мало говорят и пишут о фантастике и/или фэнтези». То есть у респондентов есть субъективное ощущение, что дискурс о самой фантастике, её ценности в литературе и обществе слабо актуализирован.

При этом ярко выраженное несогласие проявилось в отношении суждения: «Любители фантастики и/или фэнтези похожи на сектантов, у которых своя религия...». Респонденты считают, что в российском обществе сам дискурс о фантастике слабо актуализирован и вместе с этим предпочитают не говорить о любителях фантастики как о сектантской группе (см. рис. 1). Видимо, образ религиозных фанатиков применительно к любителям фантастики нашим респондентам не кажется близким.

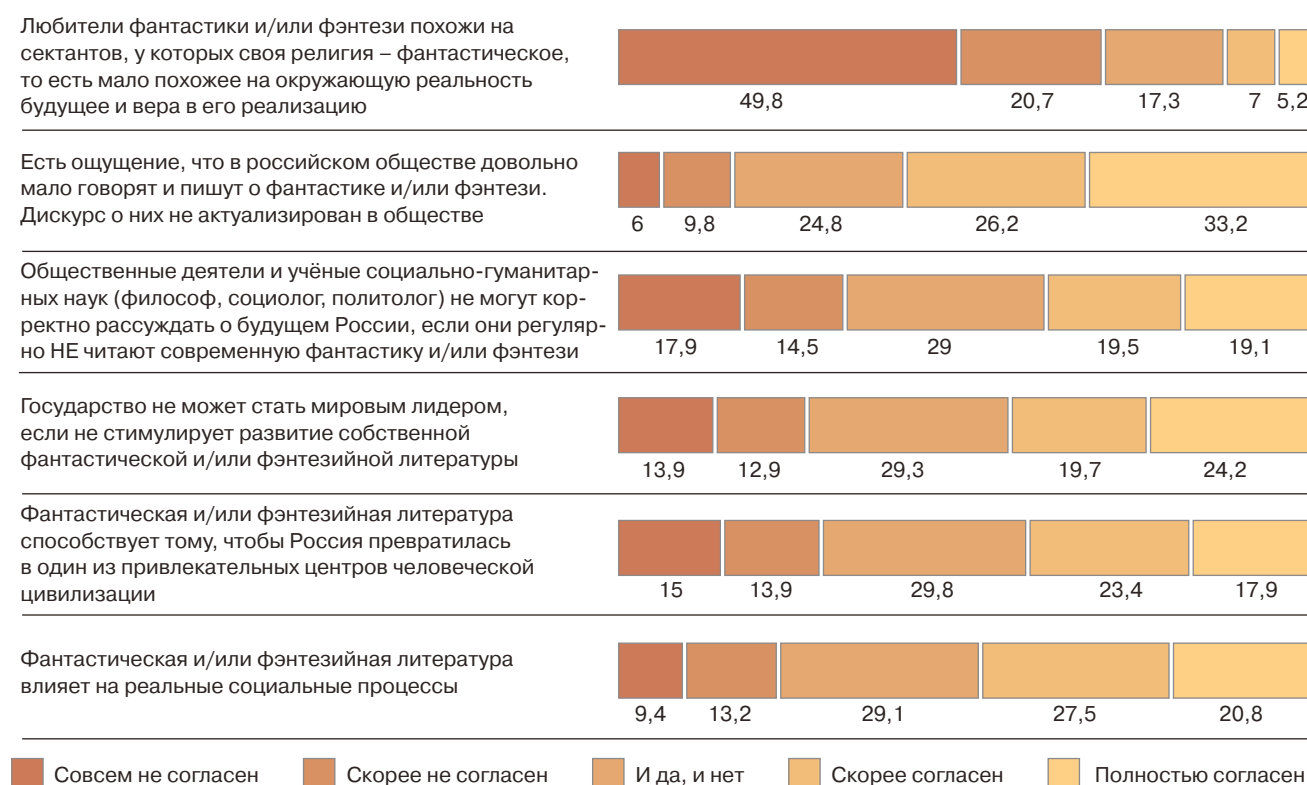

Рис. 1. Ценность фантастической литературы в оценке предложенных суждений читающими фантастику респондентами (n = 1139), 2024 г., %

Остальные предложенные суждения не вызвали таких же ярких, однозначных оценок, как указанные выше. Доля ответивших «и да, и нет», что можно интерпретировать как затруднение с оценкой, например, составила треть опрошенных по всем остальным суждениям. Тем не менее с некоторым допущением заметим, что суждение «Фантастическая и/или фэнтезийная литература

способствует тому, чтобы Россия превратилась в один из привлекательных центров человеческой цивилизации» получило в сравнении с другими несколько большее число положительных оценок (43,6%), что свидетельствует об имеющемся согласии с тем, что фантастическая литература может влиять на будущее страны, конструировать его. В этом смысле у подобной литературы есть своя особая социальная миссия. Для респондентов представляется не лишённым смысла и такое суждение, как «фантастическая и/или фэнтезийная литература влияет на реальные социальные процессы». Доля согласившихся с этим суждением составила 41%. Таким образом, опрошенные россияне оценивают по-прежнему высоко роль фантастической литературы как в будущем развитие страны, так и в настоящих социальных процессах. Скорее всего, это некоторый идеологический шлейф советского времени, в котором фантастике уделялось большое значение, особенно в подготовке инженерно-технических кадров и стимулировании так называемого «социотехнического воображаемого» [12]. Наша гипотеза о том, что в обществе сохраняется мнение о фантастической литературе как о литературе, у которой есть особое назначение в обществе, с определёнными оговорками подтвердилась.

В исследовании для нас было важно проверить, насколько декларируемая ценность фантастической литературы для развития общества, заявленная через оценку предложенных суждений, соответствует реальному знанию и осведомлённости респондентов о формируемых ею трендах будущего и в целом о её предсказательной функции. В связи с этим в анкете мы не задавали прямых вопросов, а выясняли это через выявление имеющегося у респондентов знания относительно конкретных событий и прогнозов, которые были представлены в широко известной отечественной фантастике. В анкете мы спрашивали, например, о весьма актуальном сегодня событии, об СВО: «Была ли предсказана СВО в фантастике прошлых лет? Если да, назовите название книги, где это было сделано?». В итоге доля затруднившихся с ответом составила 61,3%, то есть почти две трети респондентов не осведомлены об этом (см. рис. 2).

Из тех же, кто на вопрос о предсказании СВО ответил утвердительно (почти 27%), смогли назвать книги, в которых это было сделано, 187 человек, представив довольно разношёрстный список (см. табл. 1).

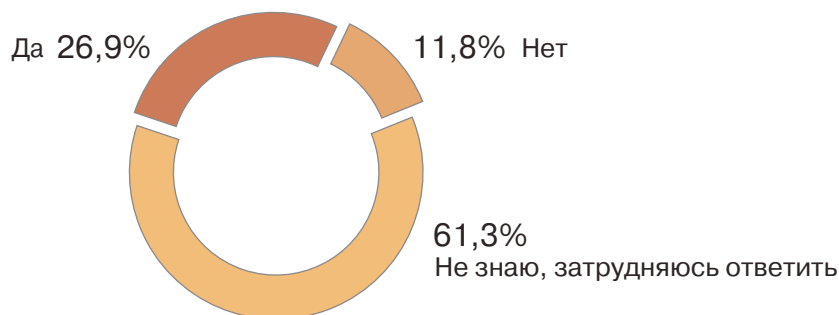

Рис. 2. Осведомлённость читающих фантастику респондентов о предсказании СВО в соответствующей литературе (n = 1139), 2024 г., %

Таблица 1

*Частотное распределение названных респондентами книг, в которых была предсказана специальная военная операция (СВО), 2024 г. **

Название книги, в которой предсказана СВО	Частота упоминаний	Доля, %
«Эпоха мёртворождённых», Г. Бобров, выход книги в 2008 г.	31	16,6
«Звёзды – холодные игрушки», С. Лукьяненко, выход книги в 1997 г.	11	6
«Война 2000. Украинский фронт», Ф. Берёзин, выход книги в 2009 г.	5	2,7
В. Пелевин	4	2,1
Дж. Оруэлл	4	2,1
«Достойны ли мы отцов и дедов», С. Сергеев, выход цикла с 2010 г.	4	2,1
«Поле боя – Украина», Г. Савицкий, выход книги в 2009 г.	4	2,1
«Империя», Р. Злотников, выход цикла в 2008 г.	3	1,6
«Третья мировая война», А. Афанасьев, выход цикла в 2011 г.	2	1,1
Остальные произведения (менее 1%)	119	63,6
Итого	187	100

*Вопрос задавался как открытый, можно было указать одно название

Как можно заметить, даже при утвердительном ответе респондентов о факте предсказания специальной военной операции в фантастической литературе мнение о том, в какой же книге это было сделано впервые, не является общим. Указывается не одна, а ряд книг, причём примерно одного периода. Помимо этого, называются и отдельные авторы (Пелевин, Оруэлл), работы которых в целом обладают сильным аналитическим потенциалом. Из полученных данных можно сделать несколько выводов: во-первых, прогностическая функция фантастики для значительной части респондентов не самоочевидна (надо хорошо ориентироваться в подобной литературе), хотя и признаваема ими (см. анализ вопроса оценки суждений); во-вторых, некоторые прогнозы – заслуга не одного автора и могут присутствовать во множестве книг, в том числе одного периода; в-третьих, при внимательном взгляде на фантастику можно улавливать будущие события социальной жизни, особенно масштабного характера (катастрофы, войны, распады государств и т. д.); в-четвёртых, знатоки отечественной фантастики смогли в итоге дать правильный ответ (это книга Г. Боброва «Эпоха мёртворождённых»).

Перейдём теперь непосредственно к анализу вопросов о герое. В нашем исследовании они формулировались в двух формах: в одном случае мы спрашивали о героях фантастических книг, которые являются идеалом или максимально близкими для самих респондентов, в другом – о героях, в которых, по оценке опрошенных, нуждается современная Россия. Мы предполагали, что

таким образом это позволит узнать, с одной стороны, о векторе отождествления (ценностях, качествах, предпочтениях, смысловой наполненности) самих участников исследования с выбираемыми в качестве близких героями, с другой – нащупать того героя (его качества, способности, паттерны), который соответствует потребностям страны. Вопросы были открытые, с множественными вариантами ответов, при этом можно было назвать до пяти героев.

В результате на вопрос о близком для самого респондента герое ответили 376 человек (33%), 763 затруднились с ответом (67%), о необходимом для России герое – ещё меньше – 225 человек (19,8%) и 914 респондентов затруднились ответить (80,2%). Учитывая то, что можно было дать не один вариант ответа, на вопрос о близком для респондента герое было получено 949 ответов, о необходимом для страны – 743. Таким образом, можно сделать вывод, что: 1) вопросы оказались для некоторых респондентов достаточно сложными; 2) отвечающие на них в первом случае вспоминали несколько чаще: в среднем 3,3 героя, во втором – в среднем не более 2,5 героя фантастических книг.

Из полученных списков мы выделили пятёрку наиболее часто называемых героев по двум задаваемым вопросам, сведя их для наглядности в общую таблицу (см. табл. 2). Героев, которые получили одинаковое количество голосов, объединили в одну позицию.

Таблица 2

*Герои фантастических книг, максимально близкие респондентам и необходимые в их представлении для современной России, 2024 г., %**

Герои, являющиеся идеалом или максимально близкими по духу и образу мысли респондентам, N = 376 (33%)	Частота упоминаний	Доля, %	Герои, в которых нуждается современная Россия, N = 225 (19,8%)	Частота упоминаний	Доля, %
Лиза Гринберг	26	6,9	Дон Румата	12	5,3
Одиссей Фокс	24	6,4	Фай Родис, Сталин	11	4,9
Максим Каммерер, Дон Румата	13	3,5	Максим Каммерер	9	4
Горбовский	12	3,2	Алиса Селезнёва	8	3,6
Антон Городецкий, Арагорн	11	2,9	Дар Ветер	7	3,1

*Вопрос задавался как открытый, можно было дать до пяти ответов

В группу героев, наиболее близких респондентам или на которых они хотели бы быть похожими, вошли: Лиза Гринберг из современного фантастического романа «Замуж с осложнениями» авторства молодой писательницы Ю. Жуковой, пишущей в жанре любовного фэнтези, космических приключений и юмористической фантастики; Одиссей Фокс из одноимённой серии романов современного, уже отмеченного литературными наградами автора А. Карелина, работающего преимущественно на стыке жанров космической и детективной фантастики с элементами юмора; Максим Каммерер и Дон Румата, получившие одинаковое число голосов от респондентов, – широко известные персонажи

романов братьев Стругацких, один из которых посвящён миру Полудня, другой – герой социально-фантастической повести «Трудно быть богом»; практически следом за ними идёт Горбовский – также относящийся к миру Полудня братьев Стругацких; Антон Городецкий – главный герой серии книг «Дозоры» «классика» отечественной современной фантастики С. Лукьяненко, тесно связанного с отечественной медиаиндустрией благодаря снятым по его книгам одноимённым фильмам, и, на той же позиции, Арагорн – известный персонаж одноимённого фильма по роману «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина.

Как можно заметить, список составляют как женские, так и мужские персонажи преимущественно отечественных и отчасти зарубежных авторов. Прежде всего, наблюдается ориентация респондентов на героев современной отечественной фантастики, то есть можно предположить, что современники, читающие фантастику, склонны отождествлять себя и находить близкие черты с героями таких же авторов-современников, живущих с ними в одной стране и в одном времени. Примечательно, что значительная часть названных героев (Максим Каммерер, Антон Городецкий, Дон Румата, Арагорн) в разные периоды становились также персонажами кино, видео- и настольных игр, то есть воплощались в самых разных адаптационных формах, являясь частью процессов «трансмедийного сторителлинга» так называемой конвергентной культуры [13]. То есть это широко растиражированные благодаря самым различным медиумам герои, в настоящее время ставшие частью массового культурного потребления.

Обращает на себя внимание факт, что первые два героя Лиза Гринберг и Одиссей Фокс принадлежат современным относительно молодым писателям, работающим на стыке разных жанров фантастики и активно использующих юмор в своих текстах, то есть в целом это герои произведений, которые отличает определённая доля лёгкости.

Если говорить о качествах и характерах самих героев, то, для начала, у каждого из них есть своя профессия и своё призвание: Лиза Гринберг – межгалактический врач; Одиссей Фокс – детектив, сыщик; Максим Каммерер, Дон Румата, вышедшие из-под пера советских фантастов братьев Стругацких, сотрудники секретных служб (что в целом характерно для героев этих авторов), в первом случае – КОМКОН-2, во втором – Института экспериментальной истории; Леонид Горбовский, ещё один персонаж Стругацких, – профессиональный пилот космических кораблей, командир звездолёта «Таризель-2»; Антон Городецкий – аналитик «Ночного дозора»; Арагорн – вождь следопытов, благородный воин, мудрый стратег, целитель. Примечательно, что значительная часть названных в качестве близких для респондентов героев так или иначе связана с аналитической работой.

Описать характеры и качества всех названных героев в рамках одной статьи представляется проблематичным, поэтому мы остановимся на первых двух, к тому же именно их заметно чаще других называли респонденты в качестве близких по духу и образу мыслей героев. Обратимся к самим читателям произведений «Замуж с осложнениями» и «Одиссей Фокс» за характеристиками

этих персонажей и, соответственно, за оценкой того, что им более всего в них импонирует. Для этого мы используем тексты любителей фантастики, представленные в открытом доступе на таком российском ресурсе, как литературный портал Author.Today (электронная библиотека современной литературы).

Например, о Лизе Гринберг пишут: *«с ней хочется дружить, с ней можно брать пример, её легко уважать, с ней хочется себя ассоциировать»*. О героине так отзываются, потому что она:

- *опытный специалист в сложной профессии...* (здесь и ниже – курсив мой. М. П.) Причём описано это так, что не возникает ассоциаций с девочкой, которой купили диплом и по блату посадили на высокую должность...;
- *способна к дисциплине и самоорганизации*. За весь цикл меня больше всего, наверное, впечатлила способность вышить крестиком портрет полтора на полтора метра за шесть месяцев, при этом успевая уделять внимание мужу, маленькому ребёнку, ребёнку-подростку, плюс полноценная работа в больнице, плюс ведение обучающих курсов, плюс встречи с подругами, плюс ещё много всякого, что не было описано в подробностях;
- *решительная и смелая*. И это не про «безнаказанно хамить крутым парням», как тоже нередко случается в других книгах. Это про умение быстро соображать и разумно действовать в по-настоящему критической ситуации, принимать сложные решения и брать на себя ответственность за других людей;
- *адекватная и способная к диалогу*. Лиза порой совершает чисто эмоциональные поступки, но чаще она всё же успевает подумать, осознать необходимость проговорить проблему и выяснить мнение противоположной стороны, и тогда оказывается, что обижаться было не на что. Более того, она идёт на контакт первой;
- *гибкая и готовая учиться*. Выйти замуж на другую планету, столкнуться с чужой культурой, приспособиться, преодолеть множество барьеров как внутри себя, так и в глазах окружающих, измениться самой и изменить очень многих – она могла бы сбежать от проблем на Землю, но предпочла остаться и справиться со всеми;
- *живая, любящая и искренняя*. И эта любовь не про чувства, вздохи и слёзы, а про то, чтобы сделать человека рядом с собой счастливым – не так, как кажется тебе, а так, как нужно ему...»¹.

Мы не случайно привели часть текста, избегая сокращений, так как в самих пояснениях можно увидеть то, что для современников и читателей является важным и ценным в данном герое, что лично им импонирует и близко, например: профессионализм и полученная специальность, приобретённая в процессе учёбы, труда, а не в результате покупки диплома; умение всё успевать; быть занятой в самых разных сферах (то есть одобряется многообразие источников

¹ Камардина М. Рецензия на роман «Замуж с осложнениями» // Author.Today : онлайн-библиотека. 23.08.2024. URL: <https://author.today/review/539156> (дата обращения: 02.06.2025).

самореализации); умение постоять за себя, но без хамства и конфликтов, а благодаря твёрдости характера и способности договариваться; стремление учиться, быть готовой принять разнообразие мира и, наконец, искренность, открытость к диалогу, нацеленность на благо другого. Похоже, что мы сталкиваемся здесь с тем, что отвечает запросам самих респондентов, и видим круг тех ценностей, которые для них значимы.

Одиссей Фокс – это мужской персонаж с мужским характером, поэтому и характеристики ему дают, как правило, мужчины. Они выделяют в этом герое такие качества, как «отказ усовершенствовать свои тело и мозг» с помощью искусственного интеллекта, умение осваивать просторы космоса на старом «корабле-мусорщике», «успешно раскрывать заковыристые дела, которые ставят в тупик продвинутые и ускоренные «естественные» умы вместе с помогающими им искусственными интеллектами». При этом у Одиссея есть свой оригинальный метод расследования: нарративное мифотворчество и своя тайна, «которая легко может стоить жизни как ему самому, так и всем, кто имел несчастье с ней соприкоснуться». Герой не избегает сложных ситуаций и сам принимает активное участие в событиях, связанных с расследованием, «подвергая себя серьёзной опасности, зачастую балансируя на краю жизни и смерти – но в итоге достигая своей цели и раскрывая очередное дело»¹. Как можно заметить, мужской образ характеризуется балансированием на грани жизни и смерти, тем, что герой готов подвергать себя опасности, испытывать судьбу и особенно открывать правду и бороться со злом. Видимо, именно эти качества близки нашим респондентам. Обращает на себя внимание тот факт, что дополняет этот мужской образ наличие у героя определённой тайны, которая делает его загадочным персонажем.

В итоге, странным образом, сами того не ожидая, респонденты в своих оценках представили нам два наиболее характерных образа мужского и женского героев и их миров, близких и созвучных самим опрошенным. Каждый из них обладает своими уникальными качествами: Лиза Гринберг – способностью к межкультурной коммуникации и тесному взаимодействию (замуж она выходит за представителя другой планеты с характерным именем Азамат), семья при этом становится итогом такого взаимодействия; Одиссей Фокс, напротив, являет собой образ героя-одиночки, который живёт своей работой и разгадывает лишь те загадки, которые ему интересны. Во всём этом мы видим почти зеркальное отображение окружающей нас реальности, когда браки женщины заключают всё чаще с представителями восточных этносов, культура и традиции которых для «землянок» вроде Лизы Гринберг требуют своего изучения, а мужчины, чей образ загадочен и притягателен, остаются в одиночестве, ища реализацию в работе и творчестве. В этом смысле литература считывает то, что лежит на поверхности и что фиксируется статистически лишь отчасти. Не говоря уже о том, что подобные образы являются своеобразной проекцией

¹ Олди Г. Л. Рецензия на роман «Одиссей Фокс» // Author.Today : онлайн-библиотека. 25.08.2021. URL: <https://author.today/review/194574> (дата обращения: 02.06.2025).

того, какие устремления в действительности имеются у женской и мужской аудиторий: женщины по-прежнему стремятся к браку, пусть и не исключая хорошей карьеры и важности профессии, мужчины ищут интересную работу. Подобных героев, особенно Лизу Гринберг, трудно отнести к прогрессорам, тем более в классическом, стругацковском смысле. Они не пытаются никого спасти и не являются частью большой миссии по развитию иной, условно отсталой цивилизации. Скорее, напротив, действуют по обстоятельствам, попадая в том числе в ситуации, когда сами вынуждены адаптироваться, подстраиваться, искать компромисс с представителями новых для них народов и культур. Скорее их можно отнести не к героям-прогрессорам, столь характерным для века XX, а к героям нового поколения, например, гармонизаторам или к идеалистам, ищущим справедливости, как в Одиссее Фокса.

Перейдем теперь к анализу тех героев, которые, по мнению респондентов, нужны современной России: Дон Румата – типичный прогрессор из научно-фантастического романа Аркадия и Бориса Стругацких «Трудно быть богом» (1964); Фай Родис – вымышленный женский персонаж из социально-научного романа советского классика-фантаста И. Ефремова «Час быка» (1970), которая делит второе место с Иосифом Сталиным из фантастического боевика в жанре альтернативной истории писателя В. Перемолотова «Звездолёт "Иосиф Сталин". На взлёт!» (2012); Максим Каммерер – персонаж цикла романов, посвящённых миру Полудня братьев Стругацких (начало трилогии – 1969), и, наконец, замыкают пятёрку лидеров Алиса Селезнёва – главная героиня цикла детских фантастических книг Кира Булычёва «Приключения Алисы» и их экранизаций, таких как «Тайна третьей планеты», «Гостья из будущего», «Лиловый шар» и «Алиса знает, что делать!» (начало серии книг – 1965), и Дар Ветер – персонаж социально-философских научно-фантастических романов советского учёного и писателя-фантаста Ивана Ефремова, упоминаемый в «Туманности Андромеды», «Часе быка».

Здесь мы сталкиваемся с по-настоящему парадоксальной ситуацией: все персонажи, указанные в качестве нужных для современной России героев, так или иначе относятся к литературе советского периода или имеют непосредственное отношение к СССР, как, например, Иосиф Сталин. То есть мы обнаруживаем крайне интересный эффект: при необходимости указать героев, с которыми чувствуется близость, респондентами вспоминаются прежде всего современные авторы и их персонажи (хотя без Стругацких не обходится и здесь), а при указании героя, в котором нуждается современная Россия, происходит обращение к авторам и героям книг советского прошлого. Наблюдается такая своеобразная культурная двойственность, при которой быть похожим хочется на современника, а жить в обществе героев из фантастики времён СССР. Возникает вопрос: как такое возможно и с чем это связано? К сожалению, наше исследование не позволяет ответить на данные вопросы мы можем только предположить, что современное российское общество не отвечает по каким-то причинам ценностным идеалам и представлениям о «хорошем» обществе, нынешнее

общество – враждебно и крайне конфликтно, поэтому есть запрос на гуманизм, прогрессорство, устремлённость в будущее.

Выбор названными героями профессий также требует своего перечисления: Дон Румата – агент под прикрытием с планеты Земля в будущем, который выполняет миссию на чужой планете, населённой людьми, чьё общество не продвинулось дальше средневековья; Фай Родис – историк из коммунистического будущего Земли, начальник экспедиции звездолёта «Тёмное пламя» на далёкую планету Торманс; Сталин – непосредственный куратор ракетно-космической программы и сверхсекретного проекта по созданию установок «ЛС» («лучей смерти»), что позволяет СССР выйти в космос на треть века раньше фактической даты; Максим Каммерер в разных циклах пребывает в разных должностях, начиная от члена группы свободного поиска (ГСП) до сотрудника отдела в КОМКОН-2; Алиса Селезнёва – дочь профессора космозоологии Игоря Селезнёва, учащаяся средней школы и путешественница; Дар Ветер – директор станции связи и шахтёр. Перечисленные профессии позволяют сделать вывод, что практически все персонажи так или иначе связаны с исследовательской деятельностью, с освоением других планет и космоса, как с техническим, так и с гуманистическим преобразованием мира. В отличие от героев, названных респондентами в качестве близких им персонажей, основным видом деятельности которых является аналитика – область, близкая к исследовательской работе, герои, в которых нуждается современная Россия, являются членами экспедиций, различных миссий и т. д., то есть персонажами, выполняющими возложенные на них задачи под руководством других людей, не всегда самостоятельно.

Как и в случае с ответами на вопрос о близком для респондентов герое фантастических книг участники опроса и здесь на первое и второе места поставили мужчину и женщину: это Дон Румата братьев Стругацких и Фай Родис Ивана Ефремова. Героя Иосифа Сталина автор статьи намеренно оставил без анализа, так как это требует более детального целевого изучения, и остановимся на уже названных. Лишь подчеркнём, что достаточно символично, что и ефремовский персонаж Фай Родис (идеальная, но не без слабостей женщина), и Сталин были названы в качестве героев, необходимых для современной России.

Как мы уже отметили, Дон Румата – типичный прогрессор, а это означает, что для него остаётся важным эволюционный путь развития, полумеры и сомнения в правильности своих решений. Прибыв на чужую планету, чей уровень цивилизации описывается как средневековый, он играет роль гуляки-аристократа, для которого важны только развлечения, при этом он держится независимо, придворной карьеры не строит, близкой дружбы почти ни с кем не заводит, сознательно создаёт себе репутацию ловеласа и дуэлянта, но на самом деле с женщинами в близкие отношения не вступает и на дуэлях никого не убивает. Его основная работа заключается в спасении от репрессий местных интеллигентов-книжечеев. То есть он борец за научное знание, сохранение и развитие науки.

Фай Родис – во многом уникальная суперженщина (здесь заметна отсылка к сверхчеловеку), обладающая редкими способностями, например: гипнозом (способна на расстоянии обездвиживать людей, снимать боль, стирать память, усыплять, заставлять людей делать что-либо против их воли); даром предвидения; способностью останавливать своё сердце, то есть умирать в безвыходных для себя ситуациях; высоким интеллектом (она – руководитель большой экспедиции на другую, во многом опасную планету). Несмотря на гибель самой Фай Родис и части её команды, книга «Час быка» заканчивается тем, что контакт с землянами помог людям Торманса найти путь к совершенствованию общества. Много лет спустя после экспедиции жителям планеты Земля приходит послание, что на планете Торманс всё же создано «новое общество» и воздвигнут памятник земным звездолётчикам.

При определённом оптимистичном финале в данном произведении-утопии некоторые его читатели усматривают проявление критики И. Ефремовым советского общества и коммунизма в целом, подмечая в отдельных отрывках текста «слабые» и порой совсем не «гуманистические» стороны «идеальной» Фай Родис. Мы не будем останавливаться на этом подробно, так как это не наш предмет изучения, но заметим, что для такого масштаба личности, как Ефремов, вряд ли было бы соразмерно (пусть и иносказательно и прикровенно) писать о болезнях исключительно советского общества. Задача была, как видится, более значительной: увидеть в глубоко продвинутых, цивилизованных обществах их неизбежно возникающие, вслед за убеждённой в своих развитости и совершенстве, изъяны, при которых происходит в том числе и насильственная калибровка местной жизни несовершенных варваров-аборигенов под стандарты Земли, а затем и как можно более быстрое «сливание» нескольких сообществ в «одну семью». Именно в убеждённости своего превосходства и совершенства И. Ефремов видел опасность любого стремительно модернизирующегося и развивающегося общества, в том числе и коммунистического, отсюда то, что и его главная героиня книги Фай Родис, будучи почти идеальной сверхличностью, с множеством уникальных способностей, делает незаметные на первый взгляд ошибки, причём иногда без видимых на то причин. Таким образом, Ефремов поднимает куда более серьёзную проблему, чем несостоятельность знакомого ему советского общества, он в принципе указывает на то, что любая общественная система, убеждённая в своём превосходстве, в итоге сталкивается с такими варварами и недоцивилизациями, которые заставят их усомниться в своей прогрессивности и дрогнуть, изменить себе, а иногда и погибнуть (как в случае Фай Родис). Примечательно, что и Дон Румата из «Трудно быть богом» в действительности переживает те же трансформации: будучи посланником более развитой цивилизации в мир с обычаями средневековья, он невольно вынужден подчиниться среде и потерять изначально понятные ему ориентиры. Так происходит угасание Дона Руматы и трансформация его личности, кризис его прогрессорства. В этом смысле и Ефремов, и братья Стругацкие созвучны друг другу, т. к. оба писали о сложности взаимодействия и отчасти конфликте

двух общественных систем, одна из которых обладает техническим совершенством и знанием, другая – нет. Желание первой подчинить вторую, заставить жить её по своим принципам приводит если ни к краху первой, то к сомнениям в неуязвимости, идеальности системы и значительному поражению. При этом нам представляется, что все описанные нами сложности двух выделенных респондентами героев могли ими не учитываться, когда они их называли в качестве нужных для современной России, и что упоминаемые респондентами Дон Румата и Фай Родис соответствуют главному требованию участников нашего опроса, а именно – желанию изменить мир в лучшую сторону, сделать его чуть более справедливым.

Заключение

Проведённый анализ позволил прийти к некоторым выводам. Во-первых, у современного читателя фантастики в настоящее время запрос на героя-демиурга и сверхчеловека проявился лишь в одном случае, когда речь зашла о герое, необходимом сегодня для России (тогда были упомянуты Фай Родис, Сталин), при этом вряд ли читателям фантастики по-настоящему близок революционный тип действия, меняющий будущее ошеломительно и стремительно, а также дискурс преобразования через насилие и в обход совести. Примечательно, что нашему респонденту всё ещё близок стругацковский и ефремовский «прогрессор», столь характерный для общественно-культурной ситуации постоттепельного периода эпохи СССР с его эволюционным, несколько осторожным желанием менять окружающую среду, которому присущи и сомнения, и ошибки (в том числе личностного плана, когда человек теряет себя, срастается со средой, которую изначально стремился изменить). Во-вторых, в качестве близких героев, тех, на кого хотелось бы быть похожими, опрошенными назывались знакомые герои фантастических книг писателей-современников, обладающие в полной мере чертами современников, которым присущи и определённая лёгкость, и юмор, и вместе с тем желание аналитического поиска. Они не ставят перед собой сложных морально-этических задач, не выполняют миссию по преобразованию вселенной, они скорее просто хорошие, интересные люди, живущие по обстоятельствам. Это иной, нежели прогрессорского типа герой, скорее гармонизатор или идеалист. При этом, выбирая героя, нужного для современной России, респондентами назывались персонажи, слабо связанные с современностью. Все они так или иначе из советского прошлого, для них характерны и поиск справедливости, и настойчивое, граничащее порой с насилием (не всегда физическим) желание сделать несовершенный мир лучше. В результате наш третий вывод связан с тем, что, отождествляя себя с интересными, но не слишком сложными героями, опрошенные нами современники понимают, что для настоящего и будущего развития России нужен совсем иной герой, характеристики личности которого не из настоящего, а из советского прошлого страны.

В заключение отметим, что подобный вывод приобретает особое звучание в контексте недавно проведённого исследования ВЦИОМ (7–22 мая 2025 г.) среди молодёжи (14–18 лет), основным методом которого стал анализ работ Всероссийского конкурса видеоэссе «Мечты о будущем». В результате него, с одной стороны, была получена довольно широкая линейка типов героев идеального общества будущего (новатор или трендсеттер, прогрессор, гармонизатор, идеалист, реформатор), с другой – выявлен тот факт, что и подростков до сих пор вдохновляют произведения Беляева (31%), братьев Стругацких (20%), Ефремова (13%), а самыми цитируемыми работами являются «Человек-амфибия», «Пикник на обочине», «Туманность Андромеды»¹. Всё это указывает на то, что обнаруженный нами запрос на героя из советских фантастических книг подтверждается в том числе данными из опросов подростковой аудитории и свидетельствует, что этот запрос характерен не только для читающих фантастику россиян среднего и более старших возрастов, но и для тех, кто только начинает активно входить в социальную жизнь страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шевченко О. К., Подлесная М. А. Героизм как философское и социологическое понятие в пространственно-временном измерении // Человек. 2024. Т. 35, № 3. С. 44–62. DOI [10.31857/S0236200724030036](https://doi.org/10.31857/S0236200724030036). EDN [PDLOGB](#).
2. Шевченко О. К., Подлесная М. А. Героизм и святость в аспекте православной теологии // Вопросы теологии. 2024. Т. 6, № 4. С. 642–658. DOI [10.21638/spbu28.2024.407](https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.407). EDN [EBVTIS](#).
3. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / А. Макинтайр ; пер. с англ. В. В. Целищева. М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. 384 с. ISBN 5-8291-0084-3.
4. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. СПб. : Питер, 2019. 480 с. ISBN 978-5-4461-1292-0.
5. Михайловский Н. К. Сочинения. Т. 6. СПб., 1885. 285 с.
6. Субботина М. В. Амбивалентность героя в контексте изучения социального благополучия, или Поиски героического в новой социально-медийной реальности // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 3. С. 450–465. DOI [10.17323/1728-192x-2020-3-450-465](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-450-465). EDN [GJLPFP](#).
7. Подлесная М. А., Ильина И. В. Героизм через призму размышлений о стране и её будущем: оценки поколений // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 53–77. DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.3). EDN [PFAIWY](#).
8. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1990. 543 с. ISBN 5-280-00710-2. EDN [VQMUNR](#).
9. Бреева Т. Н. Деконструкция утопического дискурса в цикле произведений братьев Стругацких «Мир полудня» // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2015. Т. 17, № 1 (136). С. 226–235. EDN [TNACCX](#).
10. Фишман Л. Г. Фантастика и гражданское общество. Екатеринбург : Ин-т философии и права УрО РАН, 2002. 168 с. ISBN 5-7691-1319-7. EDN [QZRGTB](#).

¹ Каким представляют будущее российские подростки // ВЦИОМ : сайт. 1 июня 2025 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kakim-predstavljajut-budushchee-rossiiskie-podrostki> (дата обращения: 02.06.2025).

11. Липовецкий М. Траектории ИТР-дискурса // Неприкосновенный запас. 2010. № 6 (74). С. 213–230.
12. Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power // Ed. by S. Jasanoff, S. Kim ; University of Chicago Press, 2015. 354 p. ISBN 978-0-226-27652-6. DOI [10.7208/chicago/9780226276663.001.0001](https://doi.org/10.7208/chicago/9780226276663.001.0001).
13. Дженкинс Д. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М. : Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019. 384 с. ISBN 978-5-386-13461-7.

Сведения об авторах

М. А. Подлесная

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [3556-0353](#)

Статья поступила в редакцию 03.06.2025; одобрена после рецензирования 18.06.2025; принята к публикации 27.07.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.3.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.3.7)

HERO OF THE FUTURE OF RUSSIA: THE CHOICE OF CONTEMPORARIES – PROGRESSOR, DEMIURGE OR SUPERMAN?

Mariia Alexandrovna Podlesnaia

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

yamap@yandex.ru,

ORCID [0000-0002-2159-4958](#)

For citation: Podlesnaia M. A. Hero of the future of Russia: the choice of contemporaries – Progressor, Demiurg or Superman? *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(3):132–155. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.3.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.3.7).

Abstract. The article presents an analysis of the data of the All-Russian online survey conducted in 2024 among readers and non-readers of science fiction (n=1244). The aim of the study was to identify readers' preferences for science fiction and, as a result, what is in the reader's "visibility zone" today, and what in this sense can guide him in terms of the formation of consciousness. In part, this is an attempt to discern the "sociotechnical imaginary" in the support of which literature participates. This paper considers one of the aspects of the study related to the phenomenon of the hero and heroism. In this sense, science fiction literature, as a fusion of the imaginary and the real, allows us to identify deep, often unconscious, habitual and therefore unspoken meanings. The study is multi-method, using quantitative and qualitative methodologies: a mass online survey and a method of deep immersion in the environment – included observation were used. In the latter case, this is communication with professional science fiction writers, participation in meetings (conventions), correspondence with leading authors of both online science fiction literature and masters from the group of all-Russian famous writers, registration

and active work on fandom sites. The work analyzes in detail the data from several open questions, makes a comparative analysis related to which heroes of science fiction respondents call as close to themselves in spirit and way of thinking, and which heroes they consider necessary for modern Russia. As a result, we come to the following result: close are the heroes described in modern science fiction literature by contemporary writers, with all the ensuing features of character, action, and the heroes necessary for Russia, according to the respondents, are those who are presented in the science fiction of the Soviet past. At the same time, there is a need for a hero-progressor, who is not devoid of ethical principles, but acts and transforms reality carefully, without taking risks, often unable to withstand the onslaught of the “imperfect” environment and involuntarily changing his principles after it.

Keywords: science fiction, hero type, hero-progressor, demiurge, superman, ITR discourse, “sociotechnical imaginary”, convergent culture

REFERENCES

1. Shevchenko O. K., Podlesnaia M. A. Heroism as a philosophical and sociological concept in the spatio-temporal dimension. *Man=Chelovek*. 2024;35(3):44–62. (In Russ.). DOI [10.31857/S0236200724030036](https://doi.org/10.31857/S0236200724030036).
2. Shevchenko O. K., Podlesnaia M. A. Heroism and holiness in the aspect of Orthodox theology. *Questions of Theology=Voprosy' teologii*. 2024;6(4):642–658. (In Russ.). DOI [10.21638/spbu28.2024.407](https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.407).
3. Macintyre A. After virtue: studies in moral theory [Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali]. Translated from English by V. V. Tselishcheva. Moscow: Akademicheskyy Proekt, Yekaterinburg: Delovaya Kniga; 2000. 384 p. (In Russ.). ISBN 5-8291-0084-3.
4. Campbell D. The thousand-faced hero. [Tysyachelikij geroj]. St. Petersburg: Piter; 2019. 480 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4461-1292-0.
5. Mikhailovsky N. K. Essays. Vol. 6. [Sochineniya. T. 6]. St. Petersburg: 1885. 285 p. (In Russ.).
6. Subbotina M. V. Hero ambivalence in the context of the study of social wellbeing, or the Search for the heroic in the new social-media reality. *Sociological Review=Sociologicheskoe obozrenie*. 2020;19(3):450–465. (In Russ.). DOI [10.17323/1728-192x-2020-3-450-465](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-450-465).
7. Podlesnaia M. A., Ilina I. V. Heroism through the prism of reflections on the country and its future: assessments by generations. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2023;11(4):53–77. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.3).
8. Bakhtin M. M. The works of Francois Rabelais and the folk culture of the middle ages and the Renaissance [Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa]. Moscow: Art Literature; 1990. 543 p. (In Russ.). ISBN 5-280-00710-2.
9. Breeva T. N. Deconstruction of utopian discourse in the Strugatsky brothers' cycle of works “The world at noon”. *Bulletin of the Ural Federal University=Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Series 2. Humanities*. 2015;17(136):226–235. (In Russ.).
10. Fishman L. G. Science Fiction and Civil Society [Fantastika i grazhdanskoe obshchestvo]. Ekaterinburg: In-t filosofii i prava UrO RAN, 2002. 168 p. (In Russ.). ISBN 5-7691-1319-7.
11. Lipovetsky M. Trajectories of the engineering and technical discourse. *An Inviolable Reserve=Neprikosnovenny Zapas*. 2010;6(74):213–230. (In Russ.).
12. Dreamscapes of modernity: sociotechnical imaginaries and the fabrication of power. Edited by Jasanoff S., Kim S. University of Chicago Press, 2015. 354 p. ISBN 978-0-226-27652-6. DOI [10.7208/chicago/9780226276663.001.0001](https://doi.org/10.7208/chicago/9780226276663.001.0001).

13. Jenkins D. Convergent culture. The clash of old and new media [Konvergentnaya kul'tura. Stolknovenie stary'x i novy'x media.]. Moscow: Gruppa Kompanij "RIPOL klassik"; 2019. 384 p. (In Russ.). ISBN 978-5-386-13461-7.

Information about the Author

M. A. Podlesnaia

Candidate of Sociology,

Leading Researcher

ResearcherID: **R-8140-2019**

Scopus AuthorID: **56528484500**

The article was submitted 03.06.2025; approved after reviewing 18.06.2025; accepted for publication 27.07.2025.